

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Общее учение об установке

Узнадзе Д.Н.

Узнадзе Дмитрий Николаевич (1886-1950) — грузинский психолог и философ, автор общепсихологической теории установки и глава грузинской психологической школы, директор Института психологии АН Грузии. Автор трудов по теоретической и экспериментальной психологии установки, а также исследований по теории познания, общей и возрастной психологии, университетских учебников по психологии и др.

*Д.Н. Узнадзе. Психологические исследования.
М.: Наука, 1966. С. 140-152, 164-169, 180-183.*

Постановка проблемы установки

1. Иллюзия объема.

Возьмем два разных по весу, но совершенно одинаковых в других отношениях предмета — скажем, два шара, которые отчетливо отличались бы друг от друга по весу, но по объему и другим свойствам были бы совершенно одинаковы. Если предложить эти шары испытуемому с заданием сравнить их между собой по объему, то, как правило, последует ответ: более тяжелый шар — меньше по объему, чем более легкий. Причем иллюзия эта обычно выступает тем чаще, чем значительнее разница по весу между шарами. Нужно полагать, что иллюзия здесь обусловлена тем, что с увеличением веса предмета обычно увеличивается и его объем, и вариация его по весу, естественно, внушает субъекту и соответствующую вариацию его в объеме.

Но экспериментально было бы продуктивнее разницу объектов по весу заменить разницей их по объему, т. е. предлагать повторно испытуемому два предмета, отличающихся друг от друга по объему, причем один (например, меньший) — в правую, а другой (большой) — в левую руку. Через определенное число повторных воздействий (обычно через 10-15 воздействий) субъект получает в руки пару равных по объему шаров с заданием сравнить их между собой. И вот оказывается, что испытуемый не замечает, как правило, равенства этих объектов: наоборот, ему кажется, что один из них явно больше другого, причем в преобладающем большинстве случаев в направлении контраста, т. е. большим кажется ему шар в

Общее учение об установке

Узнадзе Д.Н.

Узнадзе Дмитрий Николаевич
(1886-1950) — грузинский психолог
и философ, автор
общепсихологической теории
установки и глава грузинской
психологической школы, директор
Института психологии Ан Грузии.
Автор трудов по теоретической и

экспериментальной психологии
установки, а также исследований по
теории познания, общей и
возрастной психологии,
университетских учебников по
психологии и др.

*Д.Н.Узнадзе. Психологические
исследования.*

*М.: Наука, 1966. С. 140-152, 164-169,
180-183.*

Постановка проблемы установки

1. Иллюзия объема.

Возьмем два разных по весу, но совершенно одинаковых в других отношениях предмета — скажем, два шара, которые отчетливо отличались бы друг от друга по весу, но по объему и другим свойствам были бы совершенно одинаковы. Если предложить эти шары испытуемому с заданием сравнить их между собой по объему, то, как правило, последует ответ: более тяжелый шар — меньше по объему, чем более легкий. Причем иллюзия эта обычно выступает тем чаще, чем значительнее разница по весу между

шарами. Нужно полагать, что иллюзия здесь обусловлена тем, что с увеличением веса предмета обычно увеличивается и его объем, и вариация его по весу, естественно, внушает субъекту и соответствующую вариацию его в объеме.

Но экспериментально было бы продуктивнее разницу объектов по весу заменить разницей их по объему, т. е. предлагать повторно испытуемому два предмета, отличающихся друг от друга по объему, причем один (например, меньший) — в правую, а другой (большой) — в левую руку. Через определенное число повторных

воздействий (обычно через 10-15 воздействий) субъект получает в руки пару равных по объему шаров с "заданием сравнить их между собой. И вот оказывается, что испытуемый не замечает, как правило, равенства этих объектов: наоборот, ему кажется, что один из них явно больше другого, причем в преобладающем большинстве случаев в направлении контраста, т. е. большим кажется ему шар в той руке, в которую в предварительных опытах он получал меньший по объему шар. При этом нужно заметить, что явление это выступает в данном случае значительно сильнее

и чаще, чем при предложении
неодинаковых по весу объектов.
Бывает и так, что объект кажется
большим в другой руке, т. е. в той, в
которую испытуемый получал
больший по объему шар.

В этих случаях мы говорим об
ассимилятивном феномене. Так
возникает иллюзия объема.

Но объем воспринимается не только
гаптически, как в этом случае; он
оценивается и с помощью зрения.
Спрашивается, как обстоит дело в
этом случае.

Мы давали испытуемым на этот раз тахистоскопически пару кругов, из которых один был явно больше другого, и испытуемые, сравнив их между собою, должны были указать, какой из них больше. После достаточного числа (10-15) таких однородных экспозиций мы переходили к критическим опытам — экспонировали тахистоскопически два равновеликих круга, и испытуемый, сравнив их между собою, должен был указать, какой из них больше.

Результаты этих опытов оказались следующие: испытуемые воспринимали их иллюзорно; причем иллюзии, как правило, возникали почти всегда по контрасту. Значительно реже выступали случаи прямого, ассимилятивного характера. Мы не приводим здесь данных этих опытов. Отметим только, что число иллюзий доходит почти до 100% всех случаев.

2. Иллюзия силы давления.

Но, наряду с иллюзией объема, мы обнаружили и целый ряд других

аналогичных с ней феноменов и прежде всего иллюзию давления (1929 г.).

Испытуемый получает при посредстве барестезиометра одно за другим два раздражения — сначала сильное, потом сравнительно слабое. Это повторяется 10-15 раз. Опыты рассчитаны на то, чтобы упрочить в испытуемом впечатление данной последовательности раздражений. Затем следует так называемый критический опыт, который заключается в том, что испытуемый получает для сравнения вместо

разных два одинаково интенсивных раздражения давления.

Результаты этих опытов показывают, что испытуемому эти впечатления, как правило, кажутся не одинаковыми, а разными, а именно: давление в первый раз ему кажется более слабым, чем во второй раз.

Табл. 1, включающая в себя результаты этих опытов, показывает, что число таких восприятий значительно выше, чем число адекватных восприятий.

Нужно заметить, что в этих опытах, как и в предыдущих, мы имеем дело с иллюзиями как противоположного, так и симметричного характера: чаще всего встречаются иллюзии, которые сводятся к тому, что испытуемый оценивает предметы критического опыта, т. е. равные экспериментальные раздражители как неодинаковые, а именно: раздражение с той стороны, с которой в предварительных опытах он получал более сильное впечатление давления, он расценивает как более слабое (иллюзия контраста). Но бывает в определенных условиях и так, что

вместо контраста появляется феномен ассимиляции, т. е. давление кажется более сильным как раз в том направлении, в котором и в предварительных опытах действовало более интенсивное раздражение.

Реакция	+	-	=	?
Иллюзия давления, %	45,6	25,0	15,0	14,4
.....				

+ число случаев контраста; — число ассимиляций; = число адекватных оценок; ? число неопределенных ответов. То же значение имеют эти

знаки и во всех нижеследующих таблицах.

Мы находим, что более 60% случаев оценки действующих в критических опытах равных раздражений давления нашими испытуемыми воспринимается иллюзорно. Следовательно, не подлежит сомнению, что явления, аналогичные с иллюзиями объема, имели место и в сфере восприятия давления, существенно отличающегося по структуре рецептора от восприятия объема.

3. Иллюзия слуха.

Наши дальнейшие опыты касаются слуховых впечатлений. Они протекают в следующем порядке: испытуемый получает в предварительных опытах при помощи так называемого «падающего аппарата» (Fallapparat) слуховые впечатления попарно: причем первый член пары значительно сильнее, чем второй член той же пары. После 10-15 повторений этих опытов следуют критические опыты, в которых испытуемые получают пары равных

слуховых раздражений с заданием сравнить их между собой.

Результаты этих опытов суммированы в табл. 2, которая показывает, что в данном случае число иллюзий доходит до 76%. Следует заметить, что здесь, как, впрочем, и в опытах на иллюзию давления (табл. 1), число ассимилятивных иллюзий выше, чем это бывает обыкновенно; зато, конечно, значительно ниже число случаев контраста, которое в других случаях нередко поднимается до 100%. Нужно полагать, что здесь играет роль то, что в обоих этих случаях мы имеем дело с

последовательным порядком предложения раздражений, т. е. испытуемые получают раздражения одно за другим, но не одновременно, с заданием сравнить их между собой, и нами замечено, что число ассимиляций значительно растет за счет числа феноменов контраста. Ниже мы попытаемся объяснить, почему это бывает так.

Цифры, полученные в этих опытах, не оставляют сомнения, что случаи феноменов, аналогичных с феноменом иллюзий объема, имеют место и в области слуховых восприятий.

Реакция	+	-	=	?
Слуховая ассимиляция, %	57,0	19,0	1,0	3,0

4. Иллюзия освещения.

Еще в 1930 г. я имел возможность высказать предположение , что явления начальной переоценки степени освещения или затемнения при светлостной адаптации могут относиться к той же категории явлений, что и описанные нами выше иллюзии восприятия. В дальнейшем это предположение было проверено в

моей лаборатории следующими опытами: испытуемый получает два круга для сравнения их между собой по степени их освещенности, причем один из них значительно светлее, чем другой. В предварительных опытах (10- 15 экспозиций) круги эти экспонируются испытуемым в определенном порядке: сначала темный круг, а затем — светлый. В критических же опытах показываются два одинаково светлых круга, которые испытуемый сравнивает между собой по их освещенности. Результаты опытов, как показывает табл. 3, не оставляют сомнения, что в критических опытах,

под влиянием предварительных, круги не кажутся нам одинаково освещенными: более чем в 73% всех случаев они представляются нашим испытуемым значительно разными. Итак, феномен наш выступает и в этих условиях.

5. Иллюзия количества.

Следует отметить, что при соответствующих условиях аналогичные явления имеют место и при сравнении между собой количественных отношений.

Испытуемый получает в предварительных опытах два круга, из которых в одном мы имеем

значительно большее число точек, чем в другом. Число экспозиций колеблется и здесь в пределах 10-15. В критических опытах испытуемый получает опять два круга, но на этот раз число точек в них одинаковое. Испытуемый, однако, как правило, этого не замечает, и в большинстве случаев ему кажется, что точек в одном из этих кругов заметно больше, чем в другом, а именно больше в том круге, в котором в предварительных опытах он видел меньшее число этих точек.

Реакция	+	-	=	?

Иллюзия	56,6	16,6	21,6	6,2
освещения, %				

Таким образом, феномен той же иллюзии имеет место и в этих условиях.

6. Иллюзия веса.

Фехнер в 1860 г., а затем Г. Мюллер и Шуман в 1889 г. обратили внимание еще на один, аналогичный нашим, феномен, ставший затем известным под названием иллюзии веса. Он заключается в следующем: если давать испытуемому задачу,

повторно, несколько раз подряд, поднять пару предметов заметно неодинакового веса, причем более тяжелый правой, а менее тяжелый левой рукой, то в результате выполнения этой задачи у него вырабатывается состояние, при котором и предметы одинакового веса начинают ему казаться неодинаково тяжелыми, причем груз в той руке, в которую предварительно он получал более легкий предмет, ему начинает казаться чаще более тяжелым, чем в другой руке.

Мы видим, что по существу то же явление, которое было указано нами в ряде предшествующих опытов, имеет место и в области восприятия веса.

7. Попытки объяснения этих феноменов.

Теория Мюллера . Если просмотрим все эти опыты, увидим, что в сущности всюду в них мы имеем дело с одним и тем же явлением: все указанные здесь иллюзии имеют один и тот же характер-они возникают в совершенно

аналогичных условиях и, следовательно, должны представлять собой разновидности одного и того же феномена. Поэтому теория Мюллера, построенная специально с целью объяснения одного из указанных явлений, именно иллюзии веса, не может в настоящее время считаться удовлетворительной. Она имеет в виду специфические особенности восприятия веса и, конечно, для объяснения иллюзий других чувственных модальностей должна оказаться несостоятельной.

В самом деле, Мюллер рассуждает следующим образом: когда мы даем испытуемому в руки несколько раз

по паре неодинаково тяжелых предметов, то, в конце концов, у него вырабатывается привычка для поднимания первого, т. е. более тяжелого члена пары мобилизовать более сильный мускульный импульс, чем для поднимания второго члена пары. Если же теперь, после повторения этих опытов достаточное число раз (10- 15 раз), дать тому же испытуемому в каждую руку по предмету одинакового веса, то предметы эти будут казаться ему опять неодинаково тяжелыми. Ввиду того, что у него выработалась привычка правой рукой поднимать более тяжелый предмет, он

мобилизует при поднимании тяжести этой рукой более сильный импульс, чем при поднимании другой рукой. Но раз в данном случае фактически приходится поднимать предметы одинакового веса, то, понятно, мобилизованный в правой руке импульс к более тяжелому «быстрее и легче отрывает» тяжесть с подставки, чем это имеет место с левой стороны, и тяжесть справа легче «летит вверх», чем тяжесть слева.

Психологическую основу иллюзии, следовательно, следует полагать, согласно этой теории, в переживании

быстроты поднимания тяжести: когда она как бы «летит вверх», она кажется легкой, когда же, наоборот, она поднимается выше медленно, то она как бы «прилипает к подставке» и переживается как более тяжелый предмет. Такова теория Мюллера.

Мы видим, что решающее значение, согласно этой теории, имеет впечатление «взлета вверх» или «прилипания» тяжести подставке: без этих впечатлений мы не чувствовали бы различия между обеими тяжестями — иллюзия бы не имела места

Но ведь явления этого рода мы можем переживать лишь в случаях поднимания тяжестей, т. е. там, где имеет смысл говорить о впечатлениях «взлета вверх» или «прилипания к подставке». Между тем, по существу то же явление, как мы видели, имеет место и в ряде случаев, где о впечатлениях этого рода и речи не может быть. Так, мы имеем дело с иллюзиями объема, силы давления, слуха, освещения, количества, словом, с иллюзиями, которые по существу нужно трактовать как разновидности одного и того же явления, не имеющего существенной или вовсе никакой связи с какими-

нибудь определенными
периферическими процессами.
Оставаясь одним я тем же
феноменом, в тактильной сфере она
становится иллюзией давления, в
зрительной к тактической —
иллюзией объема, в мускульной —
иллюзией веса и т. д. По существу же
она остается одним и тем же
феноменом, для понимания
сущности которого особенности
отдельных чувственных
модальностей, в которых он
проявляется, существенной роли не
играют. Поэтому совершенно ясно,
что для объяснения этого феномена
мы должны отвлечься от теории

Мюллера и искать его в другом направлении.

И вот прежде всего возникает вопрос: что находим мы общего, в условиях наших опытов, в деятельности отдельных сенсорных модальностей, что можно было бы признать общей основой, на которой вырастают констатированные нами аналогичные друг другу явления иллюзии?

Теория «обманутого ожидания». В психологической литературе мы встречаем теорию, которая, казалось

бы вполне отвечает поставленному здесь нами вопросу. Это — теория «обманутого ожидания». Правда, при ее разработке упомянутые нами аналоги иллюзии веса были еще неизвестны: они были впервые опубликованы нами в связи с проблемой об основах данной иллюзии позднее . Тем больше внимания заслуживает эта теория сейчас, когда наличие этих аналогов определенно указывает, что в основе интересующих здесь нас феноменов должно лежать нечто, имеющее по существу лишь формальное значение и потому могущее оказаться годным для объяснения тех случаев, которые,

касаясь материала различных чувственных модальностей, столь сильно отличаются друг от друга со стороны содержания.

Теория «обманутого ожидания» пытается объяснить иллюзию веса следующим образом: в результате повторного поднимания тяжестей (или же для объяснения наших феноменов мы могли бы сейчас добавить — повторного воздействия зрительного, слухового или какого-либо другого впечатления) у испытуемого вырабатывается *ожидание*, что в определенную руку ему будет дан всегда более тяжелый

предмет, чем в другую, и когда в критическом опыте он не получает в эту руку более тяжелого предмета, чем в другую, его ожидание оказывается обманутым, и он, недооценивая вес полученного им предмета, считает его более легким. Так возникает, согласно этой теории, впечатление контраста веса, а в соответствующих условиях и другие обнаруженные нами аналоги этого феномена.

Нет сомнения, что теория эта имеет определенное преимущество перед мюллеровской, поскольку она в основе признает возможность

проявления наших феноменов всюду, где только может идти речь об «обманутом ожидании», следовательно, не только в одной, но и во всех наших чувственных сферах. Наши опыты именно и показывают, что интересующая здесь нас иллюзия не ограничивается сферой одной какой-нибудь чувственной модальности, а имеет значительно более широкое распространение.

Тем не менее принять эту теорию не представляется возможным. Прежде всего она мало удовлетворительна, поскольку не дает никакого ответа на существенный в нашей проблеме

вопрос — вопрос о том, почему, собственно, в одних случаях возникает впечатление контраста, а в других — ассимиляции. Нет никаких оснований считать, что субъект действительно «ожидает», что он и в дальнейшем будет получать то же соотношение раздражителей, какое он получал в предварительных опытах. На самом деле такого «ожидания» у него не может быть, хотя бы после того, как выясняется после одной-двух экспозиций, что он получает совсем не те раздражения, которые он, быть может, действительно «ожидал» получить. Ведь в наших опытах иллюзии

возникают не только после одной-двух экспозиций, но и далее.

Но и независимо от этого соображения теория «обманутого ожидания» все же должна быть проверена и притом проверена, если возможно, экспериментально; лишь в этом случае можно будет судить окончательно о ее приемлемости.

Мы поставили специальные опыты, которые должны были разрешить интересующий здесь нас вопрос о теоретическом значении переживания «обманутого

ожидания». В данном случае мы использовали состояние гипнотического сна, поскольку оно предоставляет в наше распоряжение выгодные условия для разрешения поставленного вопроса. Дело в том, что факт рапорта, возможность которого представляется в состоянии гипнотического сна, и создает нам эти условия.

Мы гипнотизировали наших испытуемых и в этом состоянии провели на них предварительные опыты. Мы давали им в руки обычные шары — один большой, другой — малый и заставляли их

сравнивать эти шары по объему между собой. По окончании опытов, несмотря на факты обычной постгипнотической амнезии, мы все же специально внушали испытуемым, что они должны основательно забыть все, что с ними делали в состоянии сна. Затем отводили испытуемого в другую комнату, там будили его и через некоторое время, в бодрствующем состоянии, проводили с ним наши критические опыты, т. е. давали в руки равные по объему шары с тем, чтобы испытуемый сравнил их между собой.

Наши испытуемые почти во всех случаях находили, что шары эти неравны, что шар слева (т.е. в той руке, в которую в предварительных опытах во время гипнотического сна они получали больший по объему шар) заметно меньше, чем шар справа.

Таким образом, не подлежит сомнению, что иллюзия может появиться и под влиянием предварительных опытов, проведенных в состоянии гипнотического сна, т. е. в состоянии, в котором и речи не

может быть ни о каком «ожидании». Ведь совершенно бесспорно, что наши испытуемые не имели ровно никакого представления о том, что с ними происходило во время гипнотического сна, когда над ними проводились критические опыты, и «ожидать» они, конечно, ничего не могли. Бесспорно, теория «обманутого ожидания» оказывается несостоятельной для объяснения явлений наших феноменов.

8. Установка как основа ЭТИХ ИЛЛЮЗИЙ.

Что же, если не «ожидание», в таком случае определяет поведение человека в рассмотренных выше экспериментах? Мы видим, что везде, во всех этих опытах, решающую роль играет не то, что специфично для условий каждого из них, — не сенсорный материал, возникающий в особых условиях этих задач, или что-нибудь иное, характерное для них, — не то обстоятельство, что в одном случае речь идет, скажем, относительно объема, гаптического или зрительного, а в другом — относительно веса, давления, степени освещения или количества.

Нет, решающую роль в этих задачах играет именно то, что является общим для них всех моментом, что объединяет, а не разъединяет их.

Конечно, на базе столь разнородных по содержанию задач могло возникнуть одно и то же решение только в том случае, если бы все они в основном касались одного и того же вопроса, чего-то общего, представленного в своеобразной форме в каждом отдельном случае. И действительно, во всех этих задачах вопрос сводится к определению количественных отношений: в одном случае спрашивается относительно взаимного отношения объемов двух

шаров, в другом — относительно силы давления, веса, количества. Словом, во всех случаях ставится на разрешение вопрос как будто об одной и той же стороне разных явлений — об их количественных отношениях.

Но эти отношения не являются в наших задачах отвлеченными категориями. Они в каждом отдельном случае представляют собой вполне конкретные данности, и задача испытуемого заключается в определении именно этих данностей. Для того, чтобы разрешить, скажем, вопрос о

величине кругов, мы сначала предлагаем испытуемому несколько раз по два неравных, а затем, в критическом опыте, по два равных круга. В других задачах он получает в предварительных опытах совсем другие вещи: два неодинаково сильных впечатления давления, два неодинаковых количественных впечатления, а в критическом опыте — два одинаковых раздражения. Несмотря на всю разницу материала, вопрос остается во всех случаях по существу один и тот же: речь идет всюду о характере отношения, которое мыслится внутри каждой задачи. Но отношение здесь

не переживается в каком-нибудь обобщенном образе. Несмотря на то, что оно имеет *общий характер*, оно дается всегда в каком-нибудь конкретном выражении. Но как же это происходит?

Решающее значение в этом процессе, нужно полагать, имеют *предварительные экспозиции*. В процессе повторного предложения их у испытуемого вырабатывается какое-то *внутреннее состояние*, которое подготавливает его к восприятию дальнейших экспозиций. Что это внутреннее состояние действительно существует и что оно

действительно подготовлено повторным предложением предварительных экспозиций, в этом не может быть сомнения: стоит произвести критическую экспозицию сразу, без предварительных опытов, т.е. предложить испытуемому вместо неравных сразу же равные объекты, чтобы увидеть, что он их воспринимает адекватно. Следовательно, несомненно, что в наших опытах эти равные объекты он воспринимает по типу предварительных экспозиций, а именно как неравные.

Как же объяснить это? Мы видели выше, что об «ожидании» здесь говорить нет оснований: нет никакого смысла считать, что у испытуемого вырабатывается «ожидание» получить те же раздражители, какие он получал в предварительных экспозициях.

Но мы видели, что и попытка объяснить все это вообще как-нибудь иначе, ссылаясь еще на какие-нибудь известные психологические факты, тоже не оказывается продуктивной. Поэтому нам остается обратиться к специальным опытам, которые дали

бы ответ на интересующий здесь нас вопрос. Это наши гипнотические опыты, о которых мы только что говорили.

Результаты этих опытов даны в табл. 4 (в процентах).

Реакция	+	-	=
16 испытуемых	82	17	1

Мы видим, что результаты эти в основном точно те же, что и в обычных наших опытах (табл. 1), а именно: несмотря на то, что

испытываемый, вследствие
постгипнотической амнезии, ничего
не знает о предварительных опытах,
не знает, что в одну руку он получал
большой по объему шар, а в другую
меньший, одинаковые шары
критических опытов он все же
воспринимает как неодинаковые:
иллюзия объема и в этих условиях
остается в силе.

О чем же говорят нам эти
результаты? Они указывают на то,
что, бесспорно, не имеет никакого
значения, *знает испытуемый что-
нибудь о предварительных опытах
или он ничего о них не знает* : и в

том, и в другом случае в нем создается какое-то состояние, которое в полной мере обуславливает результаты критических опытов, а именно, равные шары кажутся ему неравными. Это значит, что в результате предварительных опытов у испытуемого появляется состояние, которое, несмотря на то, что его ни в какой степени нельзя назвать сознательным, все же оказывается фактором, вполне действенным и, следовательно, вполне реальным фактором, направляющим и определяющим содержание нашего сознания. Испытуемый ровно ничего не знает о том, что в

предварительных опытах он получал в руки шары неодинакового объема, он вообще ничего не знает об этих опытах, и, тем не менее, показания критических опытов самым недвусмысленным образом говорят, что их результаты зависят в полной мере от этих предварительных опытов.

Можно ли сомневаться после этого, что в психике наших испытуемых существует и действует фактор, о наличии которого в сознании и речи не может быть, — состояние, которое можно поэтому квалифицировать как

внесознательный психический процесс, оказывающий в данных условиях решающее влияние на содержание и течение сознательной психики.

Но значит ли это, что мы допускаем существование области «бессознательного» и, таким образом, расширяя пределы психического, находим место и для отмеченных в наших опытах психических актов? Конечно, нет! Ниже, когда мы будем говорить специально о проблеме бессознательного, мы покажем, что в принципе в широко известных

учениях о бессознательном обычно не находят разницы между сознательными и бессознательными психическими процессами. И в том, и в другом случае речь идет о фактах, которые, по-видимому, лишь тем отличаются друг от друга, что в одном случае они сопровождаются сознанием, а в другом — лишены такого сопровождения; по существу же содержания эти психические процессы остаются одинаковыми: достаточно появиться сознанию, и бессознательное психическое содержание станет обычным сознательным психическим фактом.

Но в нашем случае речь идет не о такого рода различии между сознательными душевными явлениями и теми специфическими процессами, которые, будучи лишены сознания, протекают вне его пределов. Здесь вопрос касается двух различных областей психической жизни, из которых каждая представляет собой особую, самостоятельную ступень развития психики и является носителем специфических особенностей. В нашем случае речь идет о ранней, досознательной ступени психического развития, которая находит свое выражение в

констатированных выше экспериментальных фактах и, таким образом, становится доступной научному анализу.

Итак, мы находим, что в результате предварительных опытов в испытуемом создается некоторое специфическое состояние, которое не поддается характеристике как какое-нибудь из явлений сознания. Особенностью этого состояния является то обстоятельство, что оно предваряет появление определенных фактор осознания или предшествует им. Мы могли бы сказать, что это сознания, не будучи сознательным,

все же представляет своеобразную тенденцию к определенным содержаниям сознания. Правильнее всего было бы назвать это состояние *установкой* субъекта, и это потому, что, во-первых, это не частичное содержание сознания, не изолированное психическое содержание, которое противопоставляется другим содержаниям сознания и вступает с ними во взаимоотношения, а некоторое *целостное состояние* субъекта; во-вторых, это не просто какое-нибудь из содержаний его психической жизни, а момент ее *динамической определенности*. И,

наконец, это не какое-нибудь определенное, частичное содержание сознания субъекта, а целостная *направленность* его в определенную сторону на определенную активность. Словом, это, скорее, установка субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, — *его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи* .

Но если это так, тогда все описанные выше случаи иллюзии представляются нам как проявление деятельности установки. Это значит,

что в результате воздействия объективных раздражителей, в нашем случае, например, шаров неодинакового объема, в испытуемом в первую очередь возникает не какое-нибудь содержание сознания, которое можно было бы формулировать определенным образом, а скорее, некоторое специфическое состояние, которое лучше всего можно было бы характеризовать как установку субъекта в определенном направлении.

Эта установка, будучи целостным состоянием, ложится в основу

совершенно определенных психических явлений, возникающих в сознании. Она не следует в какой-нибудь мере за этими психическими явлениями, а, наоборот, можно сказать, предваряет их, определяя состав и течение этих явлений

Для того, чтобы изучить эту установку, было бы целесообразно наблюдать ее достаточно продолжительное время. А для этого было бы важно *закрепить, зафиксировать* ее в необходимой степени. Этой цели служит *повторное* предложение испытуемому наших

экспериментальных раздражителей. Эти повторные опыты мы обычно называем *фиксирующими* или просто *установочными* , а самую установку, возникающую в результате этих опытов, *фиксированной установкой* .

Чтобы подтвердить высказанные здесь нами предположения, дополнительно были проведены следующие опыты. Мы давали испытуемому нашу обычную *предварительную* или, как мы будем называть в дальнейшем, *установочную* серию — два шара неодинакового объема.

Новый момент был введен лишь в критические опыты. Обычно в качестве критических тел испытуемые получали в руки шары, по объему равные меньшему из установочных. Но в этой серии мы пользовались в качестве критических шарами, которые по объему были больше, чем больший из установочных. Это было сделано в одной серии опытов. В другой серии критические шары заменялись, другими фигурами — кубами, а в оптической серии опытов — рядом различных фигур.

Результаты этих опытов подтвердили высказанное нами выше предположение: испытуемым эти критические тела казались неравными — иллюзия и в этих случаях была налицо.

Раз в критических опытах в данном случае принимала участие совершенно новая величина (а именно шары, которые отличались по объему от установочных, были больше, чем какой-нибудь из них), а также ряд пар других фигур, отличающихся от установочных, и, тем не менее, они воспринимались

сквозь призму выработанной на другом материале установки, то не подлежит сомнению, что материал установочных опытов не играет роли — и установка вырабатывается лишь на основе *соотношения* , которое остается постоянным, как бы ни менялся материал и какой бы чувственной модальности он ни касался.

Еще более яркие результаты получим мы в том же смысле, если проведем на этот раз не критические, как выше, а установочные опыты при помощи нескольких фигур,

значительно отличающихся друг от друга по величине.

Например, предлагаем испытуемому тахистоскопически, последовательно друг за другом, ряд фигур: сначала треугольники — большой и малый, затем квадраты, шестиугольники и ряд других фигур попарно в том же соотношении.

Словом, установочные опыты построены таким образом, что испытуемый получает повторно лишь определенное соотношение фигур: например, справа — большую

фигуру, а слева — малую; сами же фигуры никогда не повторяются, они меняются при каждой отдельной экспозиции.

Надо полагать, что при такой постановке опытов, когда постоянным остается лишь соотношение (большой-малый), а все остальное меняется, у испытуемых вырабатывается установка именно на это соотношение, а не на что-нибудь другое. В критических же опытах они получают пару равных между собой фигур (например, пару равных кругов, эллипсов, квадратов и т. п.),

которые они должны сравнить между собой.

Каковы же результаты этих опытов? Остановимся лишь на тех из них, которые представляют непосредственный интерес с точки зрения поставленного здесь вопроса. Оказывается, что, несмотря на непрерывную меняемость установочных фигур, при сохранении нетронутыми их соотношений, факт обычной нашей иллюзии установки остается вне всякого сомнения. Испытуемые в ряде случаев не замечают равенства критических фигур, причем господствующей

формой иллюзии и в этом случае является феномен контраста.

Нужно, однако, отметить, что в условиях абстракции от конкретного материала, т.е. в предлагаемых вниманию читателя опытах, действие установки оказывается, как правило, менее эффективным, чем в условиях ближайшего сходства или полного совпадения установочных и критических фигур. Это, однако, вовсе не означает, что в случаях совпадения фигур установочных и критических опытов мы не имеем дела с задачей оценки соотношения этих фигур. Задача по существу и в

этих случаях остается та же. Но меньшая эффективность этих опытов в случаях полной абстракции от качественных особенностей релятов становится понятной сама собою.

Подводя итоги сказанному, мы можем утверждать, что вскрытые нами феномены самым недвусмысленным образом указывают на наличие в нашей психике не только сознательных, но и *досознательных* процессов, которые, как выясняется, мы можем характеризовать как область наших установок<...>.

Но если допустить, что, помимо обычных явлений сознания, у нас имеется и нечто другое, что, не являясь содержанием сознания, все же определяет его в значительной степени, то тогда перед нами открывается возможность судить об явлениях или фактах, подобных Einsicht, с новой точки зрения, а именно: открывается возможность обосновать наличие этого «другого» и, что особенно важно, вскрыть в нем определенное реальное содержание.

Если признать, что живое существо обладает способностью реагировать

в соответствующих условиях активацией установки, если считать, что именно в ней — в этой установке — мы находим новую сферу своеобразного отражения действительности, о чем мы будем говорить подробнее ниже, то тогда станет понятным, что именно в этом направлении и следует искать ключ к пониманию действительного отношения живого существа к условиям среды, в которой ему приходится строить свою жизнь.

Основные условия деятельности

Мы должны исходить из мысли о наличии двух основных условий, без которых акты поведения человека или какого-либо другого живого существа были бы невозможны. Это прежде всего наличие какой-либо потребности у субъекта поведения, а затем и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это — основные условия возникновения всякого поведения и прежде всего установки к нему. Нам необходимо ближе познакомиться с этими условиями.

1. Потребность.

В науке нередко приходится встречаться с термином «потребность». Особенно часто используется он в экономических науках. Здесь, однако, мы не думаем лишь о том значении, которое мыслится в понятии потребности специально с позиций экономических наук. В данном случае мы имеем в виду самое широкое значение этого слова — не только экономическое. Если представить себе, что организм испытывает нужду в чем-нибудь, например, в экономическом благе, в какой-нибудь другой ценности — практической или теоретической

безразлично, в самой активности или, наоборот, в отдыхе и т.п., то во всех этих случаях можно говорить, что мы имеем дело с той или иной потребностью. Словом, как потребность можно квалифицировать всякое состояние психофизического организма, который, нуждаясь в изменениях окружающей среды, дает импульсы к необходимой для этой цели активности.

При этом нужно помнить, что активность должна быть понимаема в данном случае не только как прием, гарантирующий нам средства удовлетворения потребностей, а

одновременно и как источник,
дающий возможность
непосредственного их
удовлетворения.

Дело в том, что необходимо
различать два основных рода
потребностей — потребности
субстанциональные и потребности
функциональные .

В первом случае мы имеем в виду
потребности, для удовлетворения
которых необходимо что-нибудь
субстанциональное, нечто, по
получении чего потребность

оказывается удовлетворенной. Так, например, состояние голода представляет собой пример определенной субстанциональной потребности: для того, чтобы утолить голод, необходимо иметь, например, хлеб.

Но эта категория еще не исчерпывает всех имеющихся у нас потребностей. Как мы только что отметили, в живом организме намечается стремление к тому или иному виду активности. В организме констатируется не нужда в чем-либо субстанциональном: он стремится к активности как таковой, он

нуждается просто. в самой деятельности. Это значит, что естественное состояние живого организма вовсе не заключается в неподвижности. Наоборот, живой организм находится в состоянии постоянной подвижности. Он прекращает ее лишь временно и условно. Это — тогда, когда организм принужден обратиться к отдыху, хотя, впрочем, и здесь абсолютной приостановки деятельности у него никогда не бывает: органические процессы и в этих случаях, как и во всех других, продолжают быть активными. В зависимости от условий, в которых

приходится жить организму в каждый данный момент, у него появляется потребность к деятельности в функционированию в том или ином направлении. Этого рода потребности мы и называем функциональными потребностями.

Эти две основные группы исчерпывают все богатства потребностей, имеющих у животных. Но они же служат основными категориями и тех потребностей, какие появляются у человека по мере развития условий его социальной, его культурной жизни. Культура порождает у него

ряд новых потребностей, и чем дальше она развивается, тем обширнее становится их круг. В качестве примера потребности, которую можно было бы считать чисто человеческой, можно назвать *теоретическую* потребность. Правда, в литературе мы нередко имеем случаи, когда речь заходит относительно таких, как я думаю, чисто человеческих признаков у животных, в частности у обезьян, каким является, например, любознательность. Но, строго говоря, нет оснований антропоморфизировать даже признаки высших обезьян. Сейчас я

хочу лишь отметить, что, бесспорно, в качестве своеобразной группы потребностей, выработавшихся у человека, можно назвать группу *теоретических* потребностей.

Но являются ли эти последние чем-либо новым, с точки зрения той основной группировки потребностей, которую мы наметили выше? Субстанциональной считать теоретическую потребность или функциональной?

<...> Коротко говоря, в данном случае мы имеем дело с ситуацией, в

которой для осуществления прямых целей субъекта — удовлетворения его функциональных потребностей — предварительно требуется разрешение теоретической задачи — выяснения причин, затрудняющих осуществление этих целей.

Таким образом, потребности теоретического характера могут иметь место и в случаях удовлетворения функциональных потребностей, но от этого сами они далеко еще не становятся потребностями функционального содержания.

Итак, мы находим, что одним из основных условий активности субъекта является наличие в нем какой-нибудь определенной потребности, которая может быть субстанциональной или функциональной. На человеческой ступени развития мы становимся свидетелями выступления нового вида потребностей, т. е. *теоретической потребности*. Но анализ показывает, что она относится, скорее, к категории субстанциональных, чем функциональных потребностей.

2. Ситуация.

Необходимым условием появления установки в определенном направлении, кроме потребности, является и наличие соответствующей ей ситуации. Если ее нет, то нет и установки: без наличия факта совместного и согласованного воздействия ситуации и потребности на субъект нет основания к тому, чтобы в этом последнем образовалась установка и чтобы, следовательно, он был готов к действию.

Конечно, потребность может существовать и вне ситуации, делающей возможным ее удовлетворение. Но в таком случае она не имеет законченного, индивидуально определенного характера. Она получает его лишь в результате воздействия наличной ситуации, могущей принести ей удовлетворение: потребность конкретизируется, она становится индивидуально определенной потребностью, удовлетворение которой возможно в конкретных условиях данной ситуации лишь при наличии этой последней. Пока такой ситуации нет, потребность

продолжает оставаться
неиндивидуализированной. Но
достаточно появиться определенной
ситуации, нужной для
удовлетворения этой потребности,
чтобы в субъекте возникла конкретно
очерченная установка и он
почувствовал бы в себе импульс к
деятельности в совершенно
определенном направлении.

Таким образом, для возникновения
установки необходимо наличие
соответствующей ситуации, в
условиях которой она принимает
вполне определенный, конкретный
характер. Следовательно,

объективным фактором, определяющим установку, следует считать именно такого рода ситуацию.

Мы видим, что установка создается не на основе наличия одной только потребности или одной только объективной ситуации: для того, чтобы она возникла как установка к определенной активности, нужно, чтобы потребность совпала с наличием ситуации, включающей в себя условия для ее удовлетворения.

Здесь было бы интересно коснуться учения Левина о «побуждающем характере» определенного круга представлений (Aufforderungscharakter). Характер этот выступает, по его мнению, в случаях наших отношений к вещам и явлениям, в которых мы нуждаемся. Когда у нас возникает какая-нибудь потребность, то объекты или явления, имеющие к ней отношение, приобретают некоторую силу по отношению к нам: они заставляют нас действовать в определенном направлении, они призывают нас к определенным актам деятельности: хлеб влечет голодного к тому, чтобы

он схватил и съел его; постель влечет усталого лечь в нее. Но эта побуждающая, эта направляющая сила обнаруживается только в тех случаях, в которых субъект имеет соответствующую потребность. Достаточно ее удовлетворить, чтобы вещи и явления потеряли эту силу.

Это учение Левина интересно в том отношении, что оно представляет собой результат правильного наблюдения, согласно которому вещи и явления, когда они выступают компонентами ситуации удовлетворения какой-нибудь актуальной потребности,

действительно становятся как бы силой по отношению к субъекту этой потребности: они как бы тянут его к себе в буквальном смысле слова. Но это бывает лишь в тех случаях, когда соответствующая потребность определенно имеется у субъекта. Левин в этом случае дает фактическое наблюдение, которое соответствует предположению о возникновении установки в определенном направлении лишь у субъекта, имеющего определенную потребность, и при наличии ситуации, необходимой для ее удовлетворения.

Итак, мы видим, что для возникновения установки в определенном направлении требуются условия субъективного и объективного характера: нужно наличие как потребности, так и ситуации, в которой она может быть удовлетворена.

Э то — два основных условия, которые абсолютно необходимы для того, чтобы могла возникнуть какая-нибудь определенная установка. Конечно, вне субъективных и объективных условий вообще никакой активности не бывает. Но в

данном случае мы утверждаем не только это. Здесь мы хотели бы обратить внимание и на то обстоятельство, что необходимым и действительным условием возникновения установки следует считать как бы некоторое единство обоих этих условий. В нашем случае это единство осуществляется в следующем: потребность, которая имеется в субъекте, становится вполне определенной конкретной потребностью лишь после того, как выясняется объективная ситуация в форме какой-нибудь конкретной ситуации, предоставляющей субъекту возможность

удовлетворения данной потребности; оба момента — и ситуация, и потребность — определяются как конкретные факты в связи друг с другом<...>.

Разновидности состояния установки

1. Фиксированная установка.

При наличии потребности, которая должна быть удовлетворена, и

соответствующей ситуации живой организм обращается к определенной целенаправленной деятельности. Но как мы убедились, эта деятельность, в первую очередь, зарождается в форме установки, которая в дальнейшем раскрывается в виде доступных наблюдателю внутренних и внешних актов поведения. Сейчас перед нами стоит вопрос, как и с каких форм происходит этот процесс зарождения установки.

В наших опытах дело начинается, как правило, рядом экспозиций экспериментальных объектов

(установочные опыты) с тем, чтобы затем перейти к критическим экспозициям и показать, как подействовали на них предшествовавшие им установочные опыты.

В чем же заключается роль этих установочных опытов? Выше мы уже говорили относительно феномена фиксации, который является результатом повторного предложения этих опытов испытуемому.

Мы полагаем, что в итоге многократного повторения этих

опытов у испытуемого фиксируется установка, возникающая при каждой отдельной экспозиции. Повторение в данном случае, по-видимому, играет решающую роль, оно дает возможность зафиксировать возникающую при каждой отдельной экспозиции установку. Поэтому эти повторные установочные опыты можно было бы назвать фиксирующими.

Другое дело, как возможно, чтобы повторение в данном случае играло роль фактора, содействующего процессу фиксации. Этого вопроса здесь мы не будем касаться. Отметим

только, что однократной экспозиции установочных объектов в большинстве случаев не бывает достаточно для того, чтобы соответствующая этой экспозиции установка осталась у испытуемого до такой степени доминирующей, чтобы предлагаемые затем равные объекты воспринимались на ее основе и, следовательно, казались бы неравными. Поэтому число экспозиций должно быть увеличено настолько, чтобы можно было говорить о достаточно фиксированной установке.

Фиксация установки может происходить и в следующих условиях: скажем, в условиях какой-нибудь определенной ситуации у меня появилась соответствующая этим условиям установка, которая, повлияв на акт моего поведения, сыграла свою роль и затем прекратила свое действие. Но что же фактически происходит с ней после этого? Исчезает ли она совершенно бесследно, будто ее никогда и не было, или она каким-то образом продолжает существовать, сохраняя способность все же оказывать некоторое влияние на наше поведение?

Если верно экспериментально подкрепленное выше положение о том, что установка представляет собой целостную модификацию личности или субъекта вообще, то тогда не вызывает сомнений, что она, сыграв свою роль, сейчас же должна уступить место другой, новой, актуально действующей установке. Но это еще не значит, что она-то сама окончательно и раз навсегда выходит из строя. Наоборот, в случае, если субъект попадает в ту же ситуацию с теми же намерениями, что и раньше, в нем должна возобновиться и прежняя установка

заметно быстрее, чем это нужно было бы для возникновения новой установки в условиях совершенно новой ситуации. Это дает нам право считать, что раз активированная установка, вообще говоря, не пропадает, то она сохраняет в себе готовность снова актуализироваться, лишь только вступят в силу подходящие для этого условия.

Само собой разумеется, готовность эта не всегда одинакова. Нужно полагать, что она зависит в значительной мере от степени прочности установки, которая измеряется числом повторных

установочных опытов: чем чаще повторяются эти опыты (в пределах оптимума для каждого данного испытуемого), тем прочнее фиксируется установка и тем более сильная способность актуализации вырабатывается в ней.

С другой стороны, в наших опытах окончательно выясняется и то, что существуют единичные случаи действия установки, которые и помимо всякого повторения оставляют по себе значительный след; установки, лежащие в их основе, фиксируются и независимо от повторения установочных опытов

и, таким образом, приобретают значительно большую способность к актуализации.

Во всех этих случаях достаточно, чтобы начала действовать ситуация, похожая на актуальную, чтобы это оказалось достаточным для активирования установки и направления субъекта в соответствующую сторону.

Таким образом, мы видим, что бывают случаи, в которых, вследствие частых повторений установочных опытов или высокого

личностного их веса, установка становится до такой степени легко возбудимой, что она актуализируется и в условиях воздействия неадекватных раздражителей, закрывая этим возможность проявления адекватной установки.

Конечно, нет никакой необходимости, чтобы в условиях действия фиксированной установки адекватная данной ситуации форма установки всегда ступшевывалась и заменялась другой, близкой к ней, но все же отличной от нее фиксированной установкой. Дело в том, что ничто не мешает нам

допустить, что могут иметь место и такие случаи, когда субъекту приходится иметь дело с ситуацией, вполне тождественной с той, в которой выработалась данная форма фиксированной установки. В таких случаях, конечно, актуализированная фиксированная установка будет вполне совпадать с той, которую для данного случая мы должны считать адекватной.

Таким образом, в обычных, не экспериментальных условиях жизни мы встречаемся не только с случаями замены адекватной для данной ситуации установки близкой к ней

фиксированной, но и с такими, в которых фиксированная установка оказывается вполне тождественной адекватной.

С другой стороны, могут иметь место и случаи, в которых к активности пробуждаются не те установки, которые фиксировались когда-нибудь в течение жизни данного индивидуума, а те, которые сделались фиксированными в истории его вида. Мне не раз приходилось в другой связи указывать на факты проявления такого рода активности, например, в жизни ребенка — на факты,

относительно которых нельзя сказать, что они обусловлены потребностью получить именно средства, реализуемые этой активностью. В жизни ребенка часты случаи, когда он обращается к деятельности исключительно потому, что в нем проявляется сильное стремление к ней: в нем пробуждается потребность функционировать, быть активным. Эта потребность, которую я называю функциональной тенденцией, нужно полагать, является наследственно приобретенной формой фиксированной установки.

2. Диффузная установка.

Но установочные опыты не являются обязательно и во всех случаях фиксированными. В некоторых случаях они играют совершенно другую роль. Дело в том, что бывает редко, чтобы для возникновения какой-нибудь индивидуально определенной установки было бы достаточно одного-единственного случая воздействия ситуации на субъекта. Нужно полагать, что на начальных стадиях зарождения какой-нибудь новой установки она определяется как индивидуально очерченный факт, не сразу.

Становится необходимым более или менее длительный процесс для того, чтобы установка определилась как таковая, чтобы она дифференцировалась, вычленилась как состояние, специфически адекватное для наличных условий поведения.

Мы полагаем, следовательно, что при первом своем зарождении установка является сравнительно еще не дифференцированным, не индивидуализированным состоянием. И вот для того, чтобы она дифференцировалась как определенная, адекватная для данных условий, становится необходимым

повторное предложение соответствующих раздражений. В таких случаях повторение установочных опытов имеет совершенно определенную, отличную от фиксационных, цель — она направлена на дифференциацию установки.

Это бывает особенно необходимо для зарождения новых, еще не знакомых субъекту установок. Когда в таких случаях начинает действовать на субъекта какой-нибудь новый, впервые ему встречающийся объект, то вызываемая им установка должна носить диффузный, мало

определенный характер. Мы можем сказать, что она недостаточно еще дифференцировалась и в результате этого субъект не может точно идентифицировать этот объект. Только с течением времени, по мере увеличения числа повторных воздействий того же объекта, вызываемая им установка постепенно дифференцируется и определяется как установка, специфичная именно для данного случая.

Следовательно, установочные опыты бывают не только *фиксирующими* , но и *дифференцирующими* .

Литература

1. *Уотсон Дж. Б.* Психология как наука о поведении. М. — Л., 1926, Харьков, 1926; статьи К. S. Lashley. — «Psychol. Rev.», 1925.
2. *Weiss A. P.* A Theoretical Basis of Human Behavior. Columbus (Ohio), 1925.
3. *Dorsey A.* Why we behave like human Beings, 1925.
4. *Russef B.* Analysis of Mind. London, 1922.

